

Михаил Гиголашвили

Михаил Гиголашвили

ТАЙНЫЙ ГОД

РОМАН

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АСТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г46

Художественное оформление и макет *Владимира Мачинского*

Гиголашвили, Михаил Георгиевич.

Г46 **Тайный год** : [роман] / Михаил Гиголашвили. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. — 733, [3] с.

ISBN 978-5-17-101291-5

Михаил Гиголашвили (р. 1954) — прозаик и филолог, автор романов «Иудея», «Толмач», «Чёртовое колесо» (выбор читателей премии «Большая книга»), «Захват Московии» (шорт-лист премии НОС).

«Тайный год» — об одном из самых таинственных периодов русской истории, когда Иван Грозный оставил престол и затворился на год в Александровой слободе. Это не традиционный «костюмный» роман, скорее — психодрама с элементами фантазмагории. Детальное описание двух недель из жизни Ивана IV нужно автору, чтобы изнутри показать специфику болезненного сознания, понять природу власти — вне особенностей конкретной исторической эпохи — и ответить на вопрос: почему фигура грозного царя вновь так актуальна в XXI веке?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101291-5

© Гиголашвили М.Г.
© ООО «Издательство АСТ»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая.

СТРАДНИК ПЕКЛА

<i>Глава 1.</i>	Град кровопийственный	13
<i>Глава 2.</i>	Человекоцарь	49
<i>Глава 3.</i>	Зелье алтайского мурзы	89
<i>Глава 4.</i>	Дрянъ Господня	132
<i>Глава 5.</i>	Письмо сатане	171

Часть вторая.

ПОДОРОЖНАЯ НА ТОТ СВЕТ

<i>Глава 6.</i>	Бросай — бери — беги	213
<i>Глава 7.</i>	Федька Шиш и Алмазная контора	257
<i>Глава 8.</i>	Алтын Иуды	302
<i>Глава 9.</i>	Всюду дырки	340
<i>Глава 10.</i>	Птаха серебряна	383

Часть третья.

ИОАНН КРОТКИЙ

<i>Глава 11.</i>	Сад зверя	435
<i>Глава 12.</i>	Головоломня	494
<i>Глава 13.</i>	Блютбух	549
<i>Глава 14.</i>	Инок Иона из чрева питона	608
<i>Глава 15.</i>	Царёвы затеи	663

	Эпилог	724
--	--------------	-----

В 1575 году от девственного Рождества Спасителя царь и великий князь всея Руси Иван IV Васильевич внезапно сложил с себя все титулы, отрёкся от престола, посадил на царство Симеона Бекбулатовича, выкрещенца из татар, потомка Чингисхана, сам же с семьёй на целый год скрылся от людских глаз. Причины сего поступка доселе неясны и туманны.

Николай Костомаров.

Русская история

Далече мне с тобою путешествовать, страшный
и грозный Ангеле, не устраши меня, маломощного!
Даруй мне, Ангеле, смиренное своё пришествие
и прекрасный приход, и тогда я вельми возрадуюсь!

ИВАН ГРОЗНЫЙ.

Канон Ангелу Грозному, воеводе

Часть первая

СТРАДНИК ПЕКЛА

Глава 1.

ГРАД КРОВОПИЙСТВЕННЫЙ

...Утро начиналось дурно: спал нехорошо, с просыпаниями, сердечные колотья заели, хребет ныл, шишки на ногах тянули. И сон противный никак не отцепится — будто бредёт он один по дороге, а навстречу — покойный дружок Тишата, мелким шажком, словно что-то расплескать боясь. Его голова разрублена пополам, распадается по плечам. Тишата смыкает руками эти половинки, но сходятся они криво, отчего на косом лице вспучивается странная ухмылка — такая была, когда он, Иван, дикий от багрового гнева, в беспамятстве рубанул топором закадычного дружка и рассёк ему голову...

Тишата, смыкая половинки головы, плаксиво нюнит, выдувая кровавые пузыри:

— За что, государь?..

Он кидается ему помочь — и проснулся.

Серое небо в окне. Тихие разговоры за дверью.

Ох, Тишата... Недаром явился...

Кое-как перебрался к образам, с трудом установив колени. Начал молитву, но что-то мешало ему, кроме болей в спине и коленных мозолей. Это был шёпот, откуда-то несущийся. Мыши шуршат? Нет, для мышей светло, они тьму любят, как и тати ночные, что после войн, холеры и опришни участились на дорогах и проездах. Вопль в ночи — убой! Свет в ночи — налёт! Голоса во тьме — грабёж! А он-то думал опришной разбой усмирить! Какое там! После неё-то всё и разъехалось по швам: целые волости стоят

сожжены, людишки разбежались, по весям шатаются, зловредством и воровским обманом промышляя. Опришня вышла из-под надзора, стала творить самовольное бесовство и беззаконие, пришлось окоротить её сильной рукой, ибо он есть длань Господня! Но теперь всё кончено — мир ему не нужен, и он миру ни к чему...

Первые дни в Александровой слободе, отчине покойной магушки, прошли в суетах и хлопотне по устройству — без хозяйского глаза и одёжу не постирают, и слуг не разместят, и летнее по шкапам не спрячут — зима на носу, а у них, суетников, всё по углам навалено, чтобы моль жрала да мышь гадила! Леню им сундуки открыть и туда покласть! Пока семью на бабской половине разместил, пока сам во дворце устроился (дворец — название одно: пристройка к церкви в три этажа, на горницы-кели разбитая), пока охрану наладил — время прошло, а он устал.

Устанешь тут! От жены Анюши помощи мало — всё сидит возле дочери и вздыхает. И от слуг бестолковых хорошего не жди. Вчера сам охрану по крепости расставлял — хотя зачем она, охрана? Был царь — стал человек. А человеку много ль нужно? И он, Иван, кому нужен? Хватит, отцарствовался. Пусть теперь другие жилы рвут, а он сам по себе будет... Дел много найдётся... В семье, как в державе, всё по нужным местам определить надобно, тогда и крепко будет. А чуть не то — и съедет набок, словно треух с башки упойного писаря, как давеча: отхожее место для стрельцов правильно поставить не сумели — так косо возвели, что нужник, простояв малость, рухнул в выгребную яму, утопив воинника с казённым оружием.

А вчера шёл по двору, видит, какая-то прачка из портомойни вместе с клубом пара выскочила, зыркнула на него — и за угол, как от бешеной собаки. Что за напасть? Все от него шарахаются, будто он идолище поганое. Чуть руку поднимешь — отшатываются, а он крестное знамение сотворить хотел! Чуть пальцем двинешь — ниц падают, а он дитё по головке погладить вздумал, не более... «Вдали от тебя замерзаешь, а рядом — горишь!» — выхрипнул Федька Басман, на плаху всходя в шутовском летнике*. «Ты ж не

* Женская одежда.

сгорел, а куда уж ближе был?! А меня сжечь хотел в огне адовом, вот и получай, изменщик, душепродавец!» — ответил ему тогда. А ныне сказал бы: «Со мной тепло и хорошо было вам всем, а без меня — холодно и боязно будет!» Пусть, пусть теперь помёрзнут, охолодают и оголодают без него! Узнают, каково с такой машиной управляться, поляка гнать, шведа в узде держать, с татар ясак взимать, крымцов на султана науськивать!..

Прибыв в слободу, собрал дворовых и охрану возле Распятской церкви и самолично сообщил, что с сего мига он — не царь всея Руси, а простой малый князь. А царь сидит в Кремле, его величество Семион Бекбулатович, его почитать, государём величать и всяческие почести оказывать, а перед ним, Иваном, и шапок ломать в холод не надо:

— Ещё занеможете, чего доброго, а мне о вас печься потом, лекарством поить! Обойдусь без ваших вшивых голов! Я ведь простой княжонок, Иванец Васильев Московский... Кто меня царём назовёт — батогами одарю! Вы свою работу исправно делайте, а я свою буду трудить...

Онемевший люд повалился ниц, не смея поднять глаз. Был слышен перешёп:

— Как не царь? А кто? Княжонок? Шапок не ломать? Какой Бекбулат? Что за напасть, Господи? Работу? Где ж видано, чтоб царь работал?

Переждал и добавил для ясности:

— А ежели прознаю, что царя Семиона татарской собакой, басурманом или ещё каким бранным словом шельмуете — языки враз поотрубаю и псам выкину! И лишнего люда чтоб в крепости не валандалось! Поймаю какого прожигу без дела или праздную шлынду — запорю!

Это всем было понятно. Людишки стали расплзаться — кто на коленях задом пятясь, кто и ползком. А самые умные уже вполголоса объясняли, что обижен-де царь на московских бояр, на важных шишей, тиунов, воевод и всяких блудоумов — он их после измен и великого пожара простил, а те опять шебуршиться зачали. Вот он и ушёл от них сюда, в родное гнездовище, где ещё дитём бегал, старики это помнят... Отогреть и обогреть его